

Таким способом он снижал доверие наивных молодых людей. В этом и состоял один из применявшихся им методов отравления сознания молодежи.

Во всех без исключения произведениях, опубликованных в прошлом членами группы Ху Фына, — будь то стихи, пьесы или романы, — авторы искажали образы людей из народа, подгоняя их к собственному отвратительному облику, как говорится, подходили к хорошему человеку с меркой подлеца. Такие произведения не выдерживают испытания рентгеном революции. Просвечивание показывает, что все это лишь грязные отбросы, смрадная контрреволюционная слизь.

Авторы таких произведений не знают жизни, ибо они ненавидят послереволюционную действительность. Весь китайский народ с презрением отворачивается от них. Работники литературы и искусства всей страны, наконец, прозрели и вымели вон эту нечисть. Только освободившись от затаившейся контрреволюции, они смогут очистить свои ряды и обеспечить еще более могучий расцвет литературы и искусства.

Это — ожесточенная борьба, и победа в ней будет за художниками, по-настоящему понимающими жизнь, воспитывающими народ в духе патриотизма и социализма. Всекитайское собрание народных представителей уже приняло первый пятилетний план развития нашего народного хозяйства. Отныне наша творческая жизнь еще теснее сомкнется с политической и общественной жизнью; появятся произведения, отражающие наше движение к социализму. Мы живем в небывало великую историческую эпоху. В своих книгах, картинах, песнях мы воспеваем нашу счастливую жизнь.

Великая Октябрьская революция явилась для нас огромным даром. Мы будем неуклонно учиться у советского искусства, источник которого — жизнь народа. Мы будем «изображать людей». Что касается чертовщины, то пусть она навеки убирается в преисподнюю. Мы же станем с энтузиазмом создавать из реальной жизни рай для людей.

Пекин.

Жан-Поль Сартр

Отражать настоящее сквозь призму будущего

Как французский писатель, пишущий на французском языке, я считаю себя вправе говорить только о французских писателях. Пользуясь оказанной мне большой честью, попытаюсь объяснить на страницах этого праздничного номера, как я понимаю долг писателя, пишущего в условиях буржуазной демократии и раздираемого теми же противоречиями, какие раздирают его родину.

Наши старшие собратья по перу задолго до нас установили непреложную истину, что литература должна говорить о человеке все, иначе она рискует стать пустой забавой. К несчастью, это были писатели буржуазные, смотревшие на человека, как на нечто неизменное, и желавшие писать

для вечности. Чтобы найти истины, не изменяющиеся в веках, они отрывали человека от окружающей его среды и бесконечно углублялись в его психологию. А так как из всех ближайших им ближе и понятнее всего были они сами, то эти писатели и говорили преимущественно о самих себе. Но, когда человек ограничен самим собой, ему нечего поведать нам, кроме каких-то жалких секретов, которые на поверку оказываются секретами полишинеля; а психоанализ, от которого кое-кто ожидал обновления литературы, не оправдал этих ожиданий, ибо глубок не отдельный человек, глубок мир. Скрытые в каждом из нас бездонные глубины надо искать в том социальном мире, с которым мы органиче-

ски связаны. Мы поняли, что человек, о котором литература должна сказать все, — это человек исторический, действующий в определенном обществе, в нашем обществе, чьи задачи, чаяния и невзгоды он отражает. А наши писатели по большей части отрывали своих героев от современной им эпохи для того, чтобы самим уйти от своего времени. Двойной просчет: герои их задыхаются, как рыбы, выброшенные на песок, а самих авторов легко отнести к определенной эпохе и среде именно из-за их старания отмежеваться от времени: Андре Жид так и останется последним из наших крупных буржуазных писателей. Урок ясен: мы не будем говорить сердцу наших современников, пока не отучимся адресоваться к своим внучатым племянникам. Наши попытки проникнуть в подлинную сущность всех и каждого будут тщетны, пока мы не перестанем отрицать нашу историчность и не поймем до конца вместе со всеми все противоречия нашего времени. Только при этом условии нам удастся перешагнуть через преграду субъективизма и объективизма, стоящую на пути многих французских писателей. Так, например, совершенно ясно, что никто, и писатель в том числе, не мог в последние годы без возмущения и ужаса думать о возможности новой войны, не мог не желать со всей страстью сохранения мира. А многие писатели хотя и вносили как граждане свой вклад в дело защиты мира, однако не считали это дело «достойной» темой для своих произведений. При этом они, бесспорно, грешили против объективности, обходя молчанием то, что глубже всего волновало всех без исключения читателей. Но и от субъективной истины они тоже были далеки; считая за благо говорить только о себе и своих сугубо личных переживаниях, эти писатели добровольно калечили себя, умалчивая о том, что в действительности творилось у них в душе. Ибо надо сказать прямо: за последние десять лет «холодная война» обуславливала все наши поступки и влияла даже на самые наши сокровенные помыслы. А потому не все ли равно, будем ли мы говорить о себе или о других — ведь те чувства, которые болновали нас, волнуют и всех других, а значит, и то, что мы напишем о других, будет выражать и наши собственные чувства.

Из этих беглых замечаний не следует

делать вывод, будто литература может быть только описательной. Ни в коем случае; человек отнюдь не созерцатель, он стремится преобразовать мир, и познавать мир человеку нужно для того, чтобы его перестраивать. А понять происходящее может лишь его участник. Раз писатель должен сказать о человеке все, он прежде всего должен рассказать о трудах и делах данного человека в обществе и для общества; но для этого он должен идти рука об руку с теми, кто трудится и действует, должен разделять их цели и стремления. Из этого явствует, что литература не сможет рассказать все о людях, которые борются за мир, если сама, своими средствами не будет бороться против войны. Тогда и читатель найдет в книгах не бесстрастное и равнодушное описание своей борьбы, а увидит ту же активную борьбу, непосредственно связанную со своей. Итак, литература — это своеобразный род участия в жизни, какой она должна быть в настоящем, при этом настоящее для литературы — это лишь путь к тому будущему, к которому стремятся описываемые ею люди, к будущему, которое они строят и которое она, литература, пытается строить вместе с ними. Более того: чтобы сказать все о человеке, надо отразить настоящее сквозь призму будущего, но не какого-то отдаленного будущего, над которым мы не властны, а будущего близкого, уже заложенного в настоящем. Но в нашем западном мире есть классы и люди, являющиеся носителями этого будущего, и есть другие, которые делают все от них зависящее для того, чтобы завтра и сегодня были схожи как две капли воды.

Самая природа литературного творчества обязывает нас строго отдать себе отчет в том, для кого мы пишем. Если мы примкнем к тем, кто хочет сохранить прошлое, то мы будем писать для вечности, приняв за истину неизменность человеческой природы, и помимо своей воли возвратимся к литературе психологической: наше творчество станет отображением далеких от жизни, абстрактных истин, настолько пустых и ничтожных, что их можно отнести к любой эпохе. В наше время ничего нельзя сказать по-настоящему, не встав в ряды тех, кто хочет перестраивать мир и создать новую, мирную жизнь. Лишь таким путем литература до

конца раскроет сущность человека, ибо человек познается прежде всего в том, что он делает. Существует неоспоримое противоречие между этой конкретной целью литературы и теми литературными приемами, которые писатели Запада уна-

следовали от прошлого. Именно это противоречие должно, на мой взгляд, стать для писателя основной творческой проблемой, а преодоление этого противоречия откроет его творчеству новые пути.

Париж.

Димитр Димов

Искусство жизнеутверждения

Великая Октябрьская революция коренным образом изменила судьбу народов России. Она принесла всему человечеству надежду на лучшее будущее, реальную и ясную уверенность в том, что разум и силы жизни могут повсеместно победить эгоизм, насилие, ложь и смерть. И вполне естественно, что, празднуя годовщину Октября, мы вновь задумываемся над проблемой отношения художника к жизни — отношения, от которого зависит как действительность самого искусства, так и значимость творческой личности художника. В нынешней обстановке, для которой характерна небывалая сплоченность народов в их борьбе за мир, эта проблема, поставленная хотя бы и в самой общей форме, приобретает особое значение.

Жизнь — суровая и величественная человеческая драма. Она подобна бурному морю: его волны способны поглотить художника или же высоко вознести его. И поскольку эта драма полна конфликтов и столкновений, подлинное искусство не могло бы существовать, если бы оно не отражало в единстве общественную и личную стороны этой драмы. Следовательно, опасность творческой смерти подстерегает художника тогда, когда он страшится жизни и бежит от нее. Малодушие художника перед жизнью может принимать различные, но одинаково губительные формы. Он может отстраниться от жизни, замкнуться в себе; может проникнуться отвращением к жизни и злобно насмехаться над ее конфликтами; может, наконец, раболепно и филистерски приспосабливаться к ней.

Бегство от жизни, оторванность, эстетское самолюбование — все это для худож-

ника подобно пиру во время чумы. Раньше или позже канет в небытие любой след его творчества. Ненависть и злобная насмешка не могут породить ничего возвышенного. Когда художник ненавидит жизнь и сеет вокруг бактерии разложения и смерти, он уничтожает и самого себя, ибо сам он является частью жизни. Раболепное приспособление к жизни порождает прислужничество, продажность, карьеризм, наигранный оптимизм и схематичность.

Художественное творчество в значительной степени обусловлено личностью писателя, а образы, которыми он оперирует, могут принимать разнообразную, более или менее субъективную окраску; вот почему опасности, о которых идет речь, подстерегают художника как в капиталистическом, так и в социалистическом обществе. Но в то время как в капиталистическом обществе господствующие классы превозносят и фетишизируют эти формы проявления малодушия перед жизнью, социалистическое искусство ведет против них беспощадную борьбу. Выражением этой борьбы была суровая критика, которой подверглись бесконфликтные и схематичные повести, романы и драмы. У нас, художников социалистического общества, есть то преимущество, что в наших руках — надежный и безошибочный метод познания жизни. Мы объединены и помогаем друг другу. И, наконец, мы любим жизнь.

Подлинным, волнующим и действенным является искусство тех художников, которые не испытывают страха перед жизнью, а полны великой любви к ней и смело, во всеоружии своего таланта и опыта бросаются в ее волны. Великая Октябрьская